

У карты Тихого океана

(Информационно-аналитический
бюллетень № 10 (208))

Проблемы Корейского полуострова в контексте интеграции России в АТР.

(Материалы «круглого стола».
Владивосток, 5 февраля 2009 г.)

Центр изучения международных отношений и проблем безопасности.
Отдел информационных технологий
ИИАЭ ДВО РАН

Проблемы Корейского полуострова в контексте интеграции России в АТР.

Материалы «круглого стола». Владивосток, 5 февраля 2009 г.

Организатор: Отдел международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Доклады:

1. Проблемы и перспективы российско-корейских отношений на современном этапе (к.и.н., зав. Центром корееведения ИИАЭ ДВО РАН Толстокулаков Игорь Анатольевич)
2. Проблемы безопасности Тихоокеанской России в контексте современной обстановки на Севере и Юге Кореи (н.с., зав. Центром региональной безопасности ИИАЭ ДВО РАН Мишин Валерий Юрьевич)
3. Вопросы политического доверия между Россией и государствами Корейского полуострова: настоящее и будущее (руководитель Управления Федеральной регистрационной службы по Приморскому краю Русецкий Евгений Александрович)

Цель мероприятия: дискуссия и обмен мнениями по обсуждаемой тематике.

Ведущий «круглого стола»: Ларин Виктор Лаврентьевич, директор ИИАЭ ДВО РАН, д.и.н., профессор

Присутствовали: д.ф.-м.н., проф. В.В. Горчаков (Председатель ЗКС ПК), акад. П.Я. Бакланов (директор ТИГ ДВО РАН), к.и.н. Б.М. Афонин (ИИАЭ), к.и.н. В.В. Кожевников (ИИАЭ), к.и.н. И.В. Ставров (ИИАЭ), к.и.н. Ю.М. Зайцев (ТОВМИ), к.э.н. Н.И. Фокин (ДВГУ), к.э.н. Т.Д. Хузиятов (ДВГУ), Е.А. Плаксен (ИИАЭ), С.А. Иванов (ИИАЭ), И.В. Агафонов (МИД РФ), Уфимцев Ю.Ю. (администрация г. Владивостока), к.п.н. С.В. Севастьянов (ВГУЭС), Н.И. Переяславцев (Приморское отделение общества российско-корейской дружбы).

**Проблемы и перспективы российско-корейских отношений
на современном этапе**

В последнее время ситуация на Корейском полуострове стала одним из важнейших факторов формирования повестки дня не только в Северо-Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, обеспечив ключевое положение Южной и Северной Кореи в региональном и глобальном взаимодействии. Именно поэтому корейскому направлению во внешней политике Российской Федерации следует придавать приоритетное значение.

Заинтересованность в развитии прочных и взаимовыгодных отношений с Республикой Корея (РК) и внимательное отношение Российской Федерации (РФ) к любому изменению ситуации в КНДР и на Корейском полуострове в целом тесно связаны с обеспечением собственных экономических и стратегических интересов, в первую очередь – с упрочением безопасности и стабильности российских дальневосточных рубежей. Исходя из данной стратегической установки, современная Россия строит свои отношения и с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР), и с РК, уделяя большое внимание решению корейской проблемы. Всё это стало возможным не так давно: лишь после очевидной коренной перестройки политического курса Российской Федерации в начале 2000-х г. В настоящее время в основе российского внешнеполитического курса в отношении стран Корейского полуострова лежит более четкое определение национальных интересов нашей страны в СВА.

Государства Корейского полуострова наряду с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) являются одним из важнейших стратегических районов мира, с которым «...связаны долгосрочные интересы

России как евразийской державы»¹. Складывающаяся в Северо-Восточной Азии региональная система обеспечения стабильности определяется взаимодействием целого ряда сил, не последнее место среди которых занимают Республика Корея и КНДР.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось установлением новых парадигм российской политики на Корейском полуострове: внешнеполитический курс нашей страны на протяжении последнего десятилетия XX в. характеризовался существенным отдалением от КНДР, создав платформу для двустороннего сотрудничества с Южной Кореей. Однако радужные перспективы «медового месяца» России и РК оказались не вполне оправданными. Южная Корея переоценила курс администрации Б. Ельцина, основывавшийся на общих либеральных канонах, которые нередко вступали в противоречие с национальными интересами и культурно-цивилизационными особенностями России. В результате многие надежды оказались неоправданными, и оба государства вынуждены были искать иные – более прагматические – подходы для развития двусторонних отношений.

Наиболее удачным решением российских властей в области корейской политики с точки зрения поддержания мира и безопасности в регионе стал отказ от очевидного «сближения с Югом и отдаления от Севера» и переход к улучшению межгосударственных отношений РФ и КНДР. Сегодня Россия стремится к сохранению сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами, основываясь на разграничении политических и экономических интересов. Прослеживается тенденция к сохранению status quo в корейском вопросе на основе нейтральной позиции «равной удаленности». Одновременно с этим РФ продолжает курс на поддержание политических и возможных экономических контактов с Севером и упрочение всесторонних отношений с Югом.

¹ *Болятко А.В.* Дальний Восток: в поисках стратегической стабильности. М., 2003. С. 3.

Очевидно, что России следует и дальше придерживаться беспристрастной позиции и сбалансированных решений в отношениях с обеими Кореями, но при этом необходимо чётко разграничивать собственные политические и экономические интересы. На практике это приводит к возникновению некоторых проблем, или даже осложнений, в отношениях с РК или КНДР по конкретным вопросам текущей политики.

В политической сфере Россия должна четко придерживаться нейтральной позиции в отношениях с Северной и Южной Кореей, особенно в вопросах, связанных с развитием межкорейского диалога. По конкретным международным вопросам, связанными, например, с давлением США на КНДР или попытками ввести против нее международные санкции, Россия может прибегнуть к своему праву вето. В то же время РФ, исходя из собственных интересов, поддерживает безъядерный статус Корейского полуострова, настаивает на исключительно мирном и дипломатическом решении корейской проблемы в целом и ракетно-ядерной проблемы КНДР в частности.

Политика «равной удаленности» по отношению к Северу и Югу позволяет сегодня российскому государству максимально эффективно использовать весьма ограниченные возможности для продвижения активной политики на Корейском полуострове, а в перспективе восстановить своё традиционное влияние в СВА. Именно поэтому такой принцип должен определять весь комплекс корейской политики России.

В то же время уже сегодня формируются условия, позволяющие России не ограничиваться ролью статиста в корейских делах, а, напротив, осторожно и последовательно переходить к активным действиям. Очевидными для нас являются несколько векторов приложения российских усилий.

Во-первых, используя свое влияние в Пхеньяне, РФ должна активнее участвовать в решении ядерной проблемы КНДР. Под давлением участников

пекинских шестисторонних переговоров Северная Корея приступила к демонтажу своего ядерного потенциала. Однако, как показывает практика, этот процесс обратим, и окончательный характер отказа КНДР от ядерных разработок напрямую зависит от того, что же получит Пхеньян взамен. К сожалению, наша страна не может повлиять на предоставление КНДР гарантий военной и политической безопасности, но у России есть возможность участвовать в решении северокорейской энергетической и прочих экономических проблем. Формирование нового режима экономических отношений в СВА с тесным включением в него Северной Кореи отвечает целям России, связанным с укреплением безопасности собственных дальневосточных рубежей. Более того, именно экономика может стать главным средством для усиления влияния России и на Корейском полуострове, и в СВА в целом. Нет необходимости подробно говорить о конкретных направлениях экономического влияния России в Корею: здесь и модернизация северокорейских железных дорог и их стыковка с Транссибом; и совместная разработка газовых и нефтяных месторождений Сибири и Сахалина, и возможность прямых поставок электроэнергии в КНДР, и на перспективу – участие в развитии мирного атома на её территории.

Второй возможный вектор российской политики на полуострове – это включение Северной Кореи в международный обмен экономического, гуманитарного и прочего характера.

В-третьих, Россия имеет все основания стать посредником между РК и КНДР в развитии трёхсторонних проектов экономического, гуманитарного и прочего характера, поскольку именно ей доверяют как в Сеуле, так и в Пхеньяне.

Разумеется, формируя на основе вышеизложенных принципов новый внешнеполитический курс в отношении государств Корейского полуострова, Россия должна максимально учитывать собственные национальные интересы,

то есть быть исключительным прагматиком. Очевидно, что такой подход окажет влияние и на политику КНДР и Южной Кореи в отношении России. В сегодняшних условиях, когда Россию обвиняют в искусственной конфронтации с Западом, мы имеем уникальные возможности доказать, что эти обвинения ложные: в политике на Корейском полуострове мы можем гармонично сочетать как восточное, так и западное направления. Возможности, которые Россия способна предложить РК, очевидны, но политический практицизм российской стороны должен найти своё продолжение в практицизме южнокорейского правительства.

Нет смысла лукавить и не признавать тот факт, что с точки зрения торгово-экономического, инвестиционного и военно-технического сотрудничества Сеул – более важный партнер для России, чем Пхеньян. Это подтверждалось неоднократно в ходе встреч высших руководителей РК и РФ. Главы двух государств, будь это В. Путин и Но Му Хён или Д. Медведев и Ли Мён Бак, четко обозначают сходные позиции относительно упрочения торговых, экономических и военно-технических связей. По-прежнему признается необходимость и возможность Южной Кореи играть ведущую роль в инвестиционном и хозяйственном развитии российского Дальнего Востока, что дает нашим южнокорейским партнерам значительные преимущества.

Одним словом, южнокорейское направление экономической политики РФ остается приоритетным, что обусловлено не только интересами и намерением деловых кругов РК участвовать в ряде значительных проектов на территории соседнего государства, но и тем, что Россия пока не готова оказывать значительную экономическую поддержку КНДР. Исходя из экономических интересов современной России и неспособности Пхеньяна решить проблему своей задолженности, не следует ожидать значительного прорыва в российско-северокорейских экономических отношениях.

Всё это позволяет утверждать, что в ближайшее время для России в политической сфере будет характерен нейтральный подход к обеим Кореям. Отделяя политические проблемы от возможных экономических выгод, администрация Д. Медведева постепенно будет пытаться усилить свой авторитет и влияние на полуострове и в то же время продолжит развитие экономического сотрудничества с РК, особенно в области транспортного сообщения, современных технологий и топливно-энергетического комплекса, что прослеживается в Московской декларации, принятой по итогам визита в Россию президента РК Ли Мён Бака 29 – 30 октября 2008 г.

России следует учитывать изменение взглядов южнокорейской стороны на развитие взаимных отношений. Ожидания активной инвестиционной деятельности РК на внутреннем российском рынке себя не оправдали. Специалисты, непосредственно занимающиеся внешнеэкономическим курсом южнокорейского государства, весьма скептически оценивают перспективы притока корейских инвестиций в Россию. Тем не менее, необходимость совместного преодоления мирового финансового кризиса и приход к власти в Сеуле консервативных кругов, известных своими прагматическими настроениями позволяют нам надеяться на новые условия экономического взаимодействия двух стран, что также было подчеркнуто в упомянутой выше Декларации.

Деловые круги Республики Корея занимают крайне осторожную и выжидательную позицию по отношению к российским партнерам. Для этого существует ряд субъективных и объективных причин. К числу первых можно отнести общую осторожность корейских предпринимателей, их категорическое неприятие авантюрных проектов, достаточно противоречивую репутацию российских деловых кругов, общее стремление обезопасить себя от каких-либо потрясений. Среди объективных причин в первую очередь

следует выделить большие возможности южнокорейских бизнесменов отыскать более «надежную» точку приложения усилий и капиталов.

Именно поэтому привлечение южнокорейских инвестиций напрямую зависит от желания и способности российского бизнеса и властей преодолеть названные выше негативные тенденции. Сегодня у России формируется новый комплекс преимуществ экономического и политического порядка, и не воспользоваться ими, в том числе и на корейском направлении, было бы преступной ошибкой. В то же время, исходя из реального положения вещей, не стоит делать слишком оптимистические прогнозы относительно ближайших и отдаленных перспектив российско-корейского сотрудничества.

Тем более что за 18-летнюю историю двусторонних отношений политики РФ и РК уже допустили немало ошибок.

Во-первых, неоправданные взаимные надежды, внушенные политической элите и общественному сознанию двух стран, привели к дисгармонии взаимных выгод, проще говоря – к нарушению принципа взаимной выгоды. Россия не получила в полном объеме ожидаемых ею выгод от сближения с Югом за счет отчуждения от Севера. Более того, России не удалось компенсировать своих политических и экономических потерь от радикального разрыва отношений с КНДР, и это признано большинством отечественных экспертов². Имеются претензии к российской стороне и у наших южнокорейских партнеров. Сегодняшние противники расширения контактов с РФ подчеркивают провал или тяжелое экономическое положение большинства совместных инвестиционных проектов. Перечень неудач можно было бы начать с лесозаготовок в бухте Светлая и закончить швейными предприятиями корейских бизнесменов в Приморье, погибшими в первой половине 2004 г.

² См., например: *Брутенц К.* О внешнеполитической концепции России в АТР. М., 1995. С. 62.

Во-вторых, наблюдается расхождение политической стратегии двух государств, связанное с переориентацией своих геополитических целей и национальным мировоззрением. Подход Южной Кореи связан с решением национальной задачи – обеспечение мира и стабильности на полуострове и поиск решения корейской проблемы. Россия же не может ограничить себя региональными масштабами, поэтому проблемы Корейского полуострова у нас преломляются призмой геополитической стратегии, что нередко мешает решению конкретных задач.

В-третьих, асимметрия наблюдается и в приоритетах практической политики двух государств. Внешнеполитические цели Южной Кореи определяются приобретением стратегического превосходства над Пхеньяном, а Россия нацелена на привлечение дополнительных внешних ресурсов для экономического развития Дальнего Востока и Сибири.

Осложняется ситуация и опосредованным участием третьих сторон в процессе разработки взаимной политики РК и РФ. Несмотря на заметное ослабление зависимости Южной Кореи от США, Вашингтон, безусловно, «корректирует» её политику по отношению к России. В гораздо меньшей, практически не сопоставимой, степени и Россия вынуждена учитывать существование КНДР, определяя свой политический курс в отношении Сеула. Стоит отметить не вполне адекватное восприятие России и её политики некоторыми представителями политической элиты и массового общественного сознания Южной Кореи. Историческое недоверие к России как отголосок «холодной войны» ещё живо на юге Корейского полуострова³.

На фоне сегодняшнего оживления переговорного процесса по проблемам экономического сотрудничества, эта мысль может показаться малоубедительной, но здесь необходимо учитывать одну особенность

³ Ли Инхо. Текущая ситуация и перспективы корейско-российских отношений // Дипломатия. 1999. № 51. С. 29. (на кор. яз.).

национального психотипа корейцев – их исключительный прагматизм. В этом контексте становится понятным, почему Республика Корея проявляет интерес к весьма ограниченному спектру сотрудничества с Россией: сырьевой рынок, топливно-энергетическая отрасль, продвижение корейской продукции на российский рынок и военно-промышленный комплекс (ВПК).

Корейская сторона традиционно заинтересована в военно-техническом сотрудничестве с РФ. Продукция российского ВПК по многим параметрам устраивает южнокорейские вооруженные силы, в первую очередь – сочетанием качества и разумной цены. Прослеживается интерес не только к военной продукции, но и к передовым технологиям. Понятно, что у российской продукции на корейском рынке есть серьезнейшие конкуренты в лице США и Японии, а также ярые противники – проамериканское лобби во властных структурах, но российские научно-исследовательские институты и военно-промышленный комплекс могут «поделиться» не только готовой продукцией двойного назначения, но и технологией её производства, что корейскую сторону интересует гораздо больше.

Сырьевой рынок России также давно интересует южнокорейскую сторону. Сейчас же можно отметить в качестве новой тенденции хорошо забытое старое: повышенное стремление корейцев приобрести в России максимальное количество и максимальный ассортимент сырьевых материалов по минимальным ценам. Ни для кого не секрет, что часть закупленного в Российской Федерации сырья корейские предприниматели перепродавали в другие страны, в частности на Тайвань, получая от этих спекулятивных операций значительную прибыль. Единственным направлением переработки российских сырьевых ресурсов, к которому в последние годы в Южной Корее проявляют благосклонность, является нефтепереработка.

Интерес к России как сырьевому источнику будет сохраняться в Корее, и это утверждение не требует дополнительных доказательств, но и в данной сфере прослеживаются некоторые нюансы. Если оставить в стороне перепродажу российских сырьевых материалов и остановиться только на переработке полученного из РФ сырья, то еще несколько лет назад корейские предприниматели предпочитали делать это на отечественной промышленной базе. В настоящее время ввиду стремительного роста стоимости рабочей силы и увеличения прочих производственных расходов в РК оказалось, что рентабельнее размещать перерабатывающие предприятия на российской территории. Вот и ответ: почему решено направить инвестиции на строительство и переоборудование нефтеперерабатывающих заводов в России, на добычу и транспортировку нефти и газа.

Деловой мир Южной Кореи готов инвестировать капитал в экономику России, но лишь в те точки, которые максимально соответствуют его прагматическим интересам. Особое внимание сегодня обращено и на возможности строительства газопровода из РФ на Корейский полуостров с участием двух (Россия, РК) или трех сторон (Россия, РК, КНДР). Данный проект может связать сахалинские газовые месторождения с Корейским полуостровом, а поскольку Корея имеет на Сахалине особые интересы, связанные с местной диаспорой, проект создания объединяющей две страны газовой системы имеет не только экономическое, но и явно выраженное политическое и национальное значение. Очевидно, что для южнокорейской стороны реализация сахалинского газового проекта может оказаться более предпочтительной.

Исходя из этого, Республика Корея практически отказалась от финансового или иного участия в тайшетском или ковыктинском проектах и преуспела в активной и последовательной «обработке» России с целью

стимулировать её на строительство газопровода «Сахалин – Корейский полуостров».

Россия и РК твердо намерены в ближайшие месяцы расширить региональное взаимодействие в энергетической сфере, на это нацелена Московская декларация двух президентов и российско-корейский План совместных действий в области торгово-экономического сотрудничества, подписанный в ноябре 2005 г.

Новые энергетические проекты в корне меняют инфраструктуру всего региона СВА, значительно укрепляют его энергетическую стабильность и безопасность. Значит, они выгодны всем без исключения государствам СВА. Очевидным становится намерение РК и России развивать более тесное сотрудничество не только в энергетике и транспортной отрасли, но и в военной, и технической сферах. Очевидно, что российское руководство на протяжении последних 3–5 лет видит наиболее перспективными направлениями взаимодействия Южной Кореи и РФ именно энергетику, транспорт, связь, науку, совместное развитие информационных технологий и рыболовство, реализацию конкретных проектов в военно-техническом сотрудничестве и освоении космоса.

Следует обратить внимание и на политические последствия визита Ли Мён Бака в Россию. В ходе московских переговоров большое внимание было уделено всестороннему обсуждению ситуации на Корейском полуострове. Особое внимание обращено на продолжение шестистороннего диалога по корейской проблеме в Пекине и обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова.

Выводы

Определение приоритетов по отношению к КНДР и РК, равно как и безусловная необходимость России участвовать в решении корейской проблемы требуют от руководства Российской Федерации максимально

придерживаться принципов «ограниченной вовлеченности» и «равной удаленности». Тихоокеанская политика России неизменно характеризуется позитивным отношением к перспективе объединения Кореи. Любой конфликт в регионе СВА напрямую угрожает военной, политической и экономической безопасности российского Дальнего Востока, парадигма развития ситуации на Корейском полуострове в последние годы требует устранения главной региональной опасности – конфронтации РК и КНДР, что, вне всяких сомнений, соответствует коренным интересам России в СВА.

Однако такой подход, на наш взгляд, не полностью отражает реальность. Иметь по соседству мощное и враждебное государство в лице объединенной Кореи – для России перспектива неблагоприятная. В связи с этим большинство специалистов ставят вопрос об обеспечении бессрочного и позитивного нейтралитета будущей единой Кореи⁴. Исчезновение очага напряженности в приграничной зоне российского Дальнего Востока с его тихоокеанскими военно-морскими базами и стратегически важным для России выходом в АТР полностью соответствует концепции национальной безопасности РФ, принятой в 1999 г.⁵ Но где гарантии, что объединительный процесс и дальнейшее построение общекорейского государства пойдет по выгодному для России сценарию?

Объединенная Корея в тесном военно-политическом союзе с США и/или Японией может оказаться бóльшей угрозой для России, чем сегодняшнее положение дел. Поэтому сохранение status quo на Корейском полуострове в ближайшей перспективе – основной приоритет российской политики. Обеспечить позитивный нейтралитет будущей единой Кореи – задача российского внешнеполитического курса на отдаленную перспективу.

Необходимо признать, что в современных условиях КНДР и РК обладают всеми возможностями для самостоятельного решения проблем

⁴ Ли Вл. Ф. О бессрочном нейтралитете Корейского полуострова в свете мирового опыта XX в. М., 1999.

⁵ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 1999.

Корейского полуострова. Ведущее направление объединительного процесса – упрочение торгово-экономических отношений и гуманитарных связей.

Страны-участницы шестисторонних переговоров понимают, что главная цель их политики на корейском направлении заключается в сохранении status quo в ближайшей перспективе и обеспечении позитивного нейтралитета будущей единой Корее. Именно на этом должны быть сосредоточены сегодняшние усилия России.

Выше мы отметили ряд проблемных факторов, осложняющих политические и экономические взаимоотношения России и РК, однако есть и обнадеживающие моменты:

- между РФ и РК не существует весомых факторов, способных нарушить крепнущее сотрудничество, таких как территориальные споры или национальный антагонизм;

- Россия неизменно поддерживает национальный курс РК на объединение страны, что высоко оценивается корейским народом;

- Республика Корея и Россия имеют немало точек соприкосновения в политической сфере, во многих актуальных проблемах международной жизни национальные интересы обеих стран совпадают;

- Россия и РК имеют взаимодополняющие хозяйственные структуры, что снимает с повестки дня экономическую конкуренцию и усиливает тягу к сотрудничеству.

Перестройка сложившихся отношений с учетом былых ошибок и перспектив взаимовыгодного сотрудничества РФ и РК максимально соответствует интересам народов двух стран. Как бы мы не относились к истории и нынешнему состоянию российско-корейского диалога, сомневаться в этом не приходится.

Проблемы безопасности Тихоокеанской России в контексте современной обстановки на Севере и Юге Кореи

При рассмотрении проблем международной и национальной безопасности в узком понимании принято иметь ввиду характер существующих или прогнозируемых конфликтов или угроз, исходящих от того или иного противника или режима государства. Ощущает ли Тихоокеанская Россия угрозы, исходящие с Корейского полуострова?

Ведущие российские ученые-корееведы (Асмолов К.В., Жебин А.З., Воронцов А.В.) утверждают, что сейчас как между Россией и РК, так и между Россией и КНДР не существует каких-либо острых конфликтов, которые можно было бы назвать серьезной проблемой. Те противоречия, которые являются нерешенными, считаются частными и способны быть решенными в рабочем порядке.

В этом утверждении небезынтересным считаю рассмотрение Асмоловым проблем взаимодействия России с государствами Корейского полуострова с позиций теории конфликтологии. По его мнению, если оценивать российско-корейские отношения с точки зрения понятийного определения конфликта, то таких ситуаций, серьезно задевающих национальную безопасность, между Россией и корейскими государствами нет. Что при этом имеет в виду Асмолов?

Проблем, связанных со спорными территориями, в настоящее время нет. Вопросы демаркации российско-северокорейской границы принципиально улажены. Заявления отдельных южнокорейских националистов об исторической принадлежности российского Дальнего Востока корейским государствам даже не имеет форму требований и тем более не поддерживаются властями.

Нет существенных разногласий и в сфере распределения рыбных ресурсов. Хотя конкуренция в добыче рыбы и крабов достаточно велика, и случаи незаконного лова нередки, это пока не является источником стратегических проблем. Некоторые исследователи полагают, что негативным фактором развития российско-корейских отношений является северокорейская «ядерная» угроза. Однако, здесь Россия не входит в число основных участников конфликта, таких как, например, КНДР и США. Она лишь одна из заинтересованных сторон, которой не выгодна напряженность и нестабильность на ее границе.

Такой подход ученых из Москвы можно оценивать как положительный, но, с другой стороны, нам как исследователям, чувствуящим на себе северокорейскую проблему, достаточно вспомнить, что в недалеком прошлом так называемая ситуация «контролируемой напряженности» на Корейском полуострове, не воспринималась Москвой, в отличие от США и наших ближайших соседей, как серьезный вызов региональной и национальной безопасности. Ракетно-ядерную угрозу со стороны КНДР в Центре не были склонны гипертрофировать, а внутривластный режим Кимов сам Ельцин и его окружение всерьез не воспринимали, забыв, что сами в недалеком прошлом выросли из таких же «штанов».

Это привело к заметному крену российской политики в сторону Сеула, что вызвало негативную реакцию и раздражение Пхеньяна. Упрекая РФ в просеульской ориентации, Пхеньян затем долго демонстрировал индифферентное отношение к нашему участию в урегулировании международных аспектов корейской проблемы. Ситуация изменилась и стала развиваться в более благоприятном направлении с приходом нового поколения российских руководителей и появлением более трезвых оценок обеими сторонами своих собственных действий и действий партнера.

Каким звеном сейчас себя видит Тихоокеанская Россия в корейском и, прежде всего, в северокорейском узле? О многом могут сказать экономические показатели. Около 70% товарооборота между Россией и КНДР приходится на межрегиональные связи. В частности, несмотря на заинтересованность КНДР в экономическом сотрудничестве с Приморским краем, краевой внешнеторговый оборот с Северной Кореей характеризуется пока низкими показателями. С 2007 г. торговый оборот края с приграничными районами КНДР сократился на 8% и составил 7.2 млн. долларов, при этом экспорт – 4.5 млн. долларов., импорт – 2.7 млн. 77% или 3.5 млн. долларов экспортных поставок – нефть и нефтепродукты, 96% или 2.6 млн. импорта приходился на стекло и изделия из него. Удельный вес КНДР во внешнеторговом обороте края за 9 месяцев 2008 г. составил 0.5% или 2.6 млн. долларов и сократился по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. в два раза. Экспорт уменьшился на 51%, т.е. до 1.7 млн. долларов. Импорт сократился в 2.5 раза и составил 0.9 млн. долларов в основном за счет поставок в край стекла и изделий из него.

Довольно низкие экономические показатели нашего сотрудничества с КНДР не совсем связаны с тем, что с Северной Кореей нечем или невыгодно торговать. Не исключено, что в этой плоскости заложен фактор неполного доверия и настороженности. Имеется в виду настороженность не по отношению к так называемой «непредсказуемости» северокорейского режима и его руководителей. Наоборот, для российского политического руководства режим Кимов исторически понятен, просчитываемый и даже в какой-то степени комфортен, так как является зеркальным отображением того исторического этапа, который наша страна прошла в недалеком прошлом.

В данном случае настораживают некоторые конфиденциальные шаги Пхеньяна по установлению контактов с США. По линии ИТАР-ТАСС уже проходила информация об обеспокоенности Южной Кореи и Китая

попытками КНДР тайно наладить с Америкой прямой диалог по ряду направлений двухсторонних отношений и тем самым отодвинуть на второй план РК и КНР от проблем решения как военных вопросов региона СВА, так и мирного урегулирования на Корейском полуострове. Известно, что в июле 2007 г. глава военной миссии Корейской народной армии в Пханмунчжоме генерал-лейтенант Ли Чан Бок предложил руководителю американской делегации прямые военные переговоры, а спецпосланник Кристофер Хилл якобы проводил в этот же период конфиденциальную встречу со своим северокорейским партнером на шестисторонних переговорах Ким Ге Гваном.

Сотрудники нашего Центра не исключают, что в свою очередь США в тот период могли тайно заверить руководство или отдельных представителей северокорейской элиты в своей моральной и материальной поддержке, но при этом выдвинули собственные условия, при которых официальный Пхеньян, не считаясь в дальнейшем с интересами РК, КНР и России должен превратить шестисторонний формат исключительно в американо-северокорейский диалог.

Правда, с приходом новой американской администрации эти акценты немного сглаживаются. Б. Обама еще будучи кандидатом в президенты заявлял: «Мы должны значительно улучшить координацию совместной деятельности с нашими партнерами в Японии и Южной Корее, так же как в Китае и России, особенно для гарантий достижения результатов, контроля в ядерной сфере. Если Северная Корея откажется разрешить проводить жесткий контроль, мы должны инициировать временное прекращение шестисторонних переговоров и возобновление использования санкций, от которых недавно отказались, рассмотрение введение новых ограничений».

Но это официальные заявления, а как будут проявляться элементы тайной северокорейской и американской дипломатии – покажет время. Тем более, рассматривая проблемы безопасности тихоокеанской России в

контексте повышенной бдительности к нашему пограничному соседу на севере Корейского полуострова, можно вспомнить некоторые примеры совсем недавнего прошлого, которые действительно настораживают. Здесь имеется ввиду обстановка весенне-летнего периода 2007 г. на Приморском направлении морского участка госграницы РФ в приграничном секторе с КНДР.

Этот период был отмечен небывалым ростом числа нарушений российской границы со стороны северокорейских граждан, пытающихся вести браконьерский хищнический рыбный промысел в наших территориальных водах. В зоне ответственности погрануправления ФСБ по Приморскому краю было зафиксировано до 100 случаев нарушения режима границы со стороны северокорейских судов различной тоннажности. В этих условиях руководство погрануправления было вынуждено начать специальную пограничную операцию «Бриз 2007», в ходе которой было задержано 14 иностранных судов браконьеров, 11 из которых промысловые сейнеры КНДР. Действия экипажей судов-нарушителей отличались дерзостью и провокационностью. Заходы в наши территориальные воды осуществлялись открыто с нарушениями всех норм международного морского права. В ряде случаев в составе экипажей судов-нарушителей выявлялись военнослужащие Корейской Народной Армии, имевшие при себе действительные удостоверения личности. Более того, беспрецедентным фактором явилось выявление среди этой категории нарушителей границы представителей специальных служб КНДР. Так, в числе задержанных северокорейских судов находились корабли вспомогательного флота районного пограничного округа «Росон», укомплектованные офицерами погранохраны КНДР.

В международном праве массовые нарушения территориальной целостности со стороны того или иного сопредельного государства

расцениваются как попытки «размыва государственной границы» и являются серьезным правонарушением, могущим повлечь самые острые ответные меры. Трудно предположить, что властям КНДР эта международная практика неизвестна. Значит, можно выдвинуть версию, что все происходящее на границе велось не только с ведома высшего руководства КНДР и его спецслужб, но и при тайном покровительстве некой третьей силы. Здесь, трудно предположить, кто конкретно прикрывал северокорейцев, которые в условиях даже самого страшного голода вряд ли самостоятельно решились бы обострять обстановку на границе с Россией, таким образом, наличие некой консультирующей стороны не исключается. Одновременно можно вспомнить ожидания так называемого «важного правительственного сообщения» из Пхеньяна 20 октября 2008 г., растиражированного рядом зарубежных и российских СМИ. Речь шла либо о состоянии здоровья Ким Чен Ира, либо о каких-то чрезвычайных шагах КНДР в отношении Южной Кореи.

После того, как «важного сообщения» не последовало, по неофициальным каналам и неустановленными источниками была продвинута информация, что во время вынужденного отсутствия Верховного Главнокомандующего Корейской Народной Армии группа офицеров среднего армейского звена пыталась взять на себя руководство Вооруженными силами КНДР и готовилась отдать приказ о начале боевых действий против Южной Кореи. Надуманным предлогом для этого служило «резкое ухудшение межкорейских связей, вызванное враждебной политикой руководства Южной Кореи во главе с Ли Мён Баком». Известно, что в условиях внутриполитических реалий КНДР подобный шаг отдельных северокорейских военных без санкции Председателя ГКО был бы маловероятным и не мог являться их инициативой, вместе с тем, после прохождения данной информации группировка Дальневосточного военного округа была вынуждена отреагировать проведением отдельных штабных

мероприятий. С учетом этого не исключено проявление той же третьей силы, пытающейся разыгрывать «северокорейскую карту».

Что касается Южной Кореи и ее влияния на элементы безопасности тихоокеанской России, то здесь особых проблем в настоящий момент не имеется. РК продолжает оставаться устойчивым экономическим партнером России. В 2007 г. объем двустороннего товарооборота составил 15 млрд. долларов, в 2008 г. ожидалось на 5 млрд. долларов больше. Объем южнокорейских инвестиций в российскую экономику за 2008 г. составил около 3 млрд. долларов.

В сентябре 2008 г. Президент Ли Мен Бак с официальным визитом посетил Москву, где встречался с Президентом Медведевым. Итогом саммита стало подписание 26 документов, предусматривающих дальнейшее расширение экономического, научно-технического, финансового и другого сотрудничества. В ходе переговоров было продемонстрировано общее понимание в деле обеспечения безъядерного статуса корейского полуострова. Что немаловажно – прозвучало заявление о реальных возможностях вывода российско-южнокорейских отношений на уровень стратегического партнерства.

Вместе с тем, имеется четкое понимание того, что нынешняя администрация Президента Ли Мен Бака до конца своего срока будет идти в фарватере американской внешней политики и соответственно выстраивать отношения со своими региональными соседями.

Какие тенденции обстановки на корейском полуострове следует ожидать в ближайшем будущем?

Говоря о «ядерной проблеме» Севера, то при жизни Ким Чен Ира каких-либо кардинальных изменений, видимо, не произойдет. Ее маятник будет колебаться от высокой до низкой амплитуд. Обещания администрации Барака Обамы решать в дальнейшем эту проблему жесткими дипломатическими

средствами, сочетающими стимулы и меры давления на Северную Корею к положительным результатам не приведут. Как результат переговорный процесс шести государств обещает быть вялотекущим.

О перспективах российско-северокорейских отношений заявил посол России в РК Г. Ивашенцов на конференции, устроенной Государственным Корейским глобальным форумом в Сеуле в январе 2009 г. Он подчеркнул, что «Россия не считает КНДР ядерной державой и продолжит сотрудничество со странами СВА с целью убедить Пхеньян отказаться от своих ядерных амбиций». По словам посла, «взрыв ядерного устройства в 2006 г. был произведен всего в 177 км от границы нашей страны, и эта проблема имеет непосредственное влияние на Россию». «Обеспечение региональной безопасности, – сказал он, – является важным условием экономического развития России в регионах Сибири и Дальнего Востока».

В случае изменений в династийной власти Кимов, по естественным причинам, развитие обстановки на севере полуострова пока что представляется слабопрогнозируемым.

В российско-южнокорейских отношениях на ближайшую перспективу реальным фактором может быть выход РК и РФ на уровень отношений стратегического партнерства, но на этот процесс может оказывать влияние динамика и состояние будущего американо-российского взаимодействия.

Е.А. Русецкий

Корейский полуостров: на пути к войне или в новому диалогу

Несмотря на усилия стран-участниц шестисторонних переговоров, разработать пакет взаимоприемлемых мер для отказа КНДР от ядерной программы представляется на сегодняшний день крайне затруднительным.

КНДР в силу целого ряда причин не заинтересована в демонтаже собственных ядерных объектов. Обладание Северной Кореей ядерным оружием является фактором военного-политического сдерживания не только в отношениях с США, но и с Китаем, зависимость от которого в последнее время Пхеньян хотел бы уменьшить. Также обладание ядерным оружием укрепляет внутривнутриполитические позиции режима Ким Чен Ира и увеличивает политический статус в отношениях с Южной Кореей. Поэтому решение проблемы во многом зависит от того, смогут ли страны региона в лице России, Китая, РК, Японии и США прийти к консенсусу и предложить Северной Корее взаимовыгодный обмен в замен на денуклеаризацию Корейского полуострова.

В 1994 г. администрации Б. Клинтона удалось найти решение ядерной проблемы КНДР, когда международный консорциум обязался построить на севере Корейского полуострова АЭС на легководном реакторе в обмен на прекращение всех исследований в области ядерных технологий. Однако приход к власти в США Джорджа Буша, ужесточение политики в отношении КНДР вплоть до заявлений о применении военной силы для разрешения конфликта, включение Северной Кореи в "ось зла" максимально обострило напряженность на Корейском полуострове и способствовало активизации работ по созданию Пхеньяном ядерного оружия.

В октябре 2006 г., обладая ракетами, способными долететь до Японии, КНДР испытала собственное ядерное взрывное устройство. При этом она заявила, что готова отказаться от дальнейших разработок атомных боезарядов, если исчезнет угроза со стороны Америки. Это оживило шестисторонние переговоры с участием России, США, Китая, двух корейских государств и Японии и активизировало страны региона на поиск взаимоприемлемой схемы разоружения Пхеньяна. В течение 2007 г. проходил активный диалог между странами региона, в результате чего были

согласованы конкретные шаги по разоружению Северной Кореи и заложена прочная основа для урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова.

После решения вопросов, связанных с переводом замороженных денежных средств КНДР, Пхеньян объявил об остановке атомного центра в Йонбьяне, который посещала группа американских экспертов, участвующих в работах по выводу из эксплуатации северокорейских ядерных объектов.

Многочисленные противоречия характеризовали северокорейско-американские отношения в 2008 г. Между КНДР и США возникли серьезные разногласия по поводу декларации КНДР о своей ядерной программе. Американская сторона выразила недовольство поверхностным содержанием декларации и полным отсутствием информации в ней о развитии программы по обогащению урана, ядерному распространению и ядерному сотрудничеству с другими странами. Таким образом, разногласия между сторонами по декларации о ядерной проблеме существенно затянули процесс.

В качестве ответного шага США начали процедуру исключения КНДР из списка "стран-спонсоров терроризма", которая положительно завершилась 11 октября 2008 г. Это стало важным шагом в направлении разрешения северокорейской ядерной проблемы политико-дипломатическим путем. КНДР согласилась возобновить процесс вывода из эксплуатации ядерных объектов, допустить с проверкой на ядерный объект в Йонбьяне инспекторов МАГАТЭ. Вместе с тем, между США и Северной Кореей существуют серьезные разногласия по вопросу образцов с ядерного объекта для их досконального исследования за пределами Северной Кореи.

Как преодолеть эти противоречия - вопрос, от решения которого зависит возможность достижения новых сдвигов в переговорном процессе. На сегодняшний день все страны региона едины во мнении, что разрешение всех

возникающих проблем исключительно в рамках шестисторонних переговоров является оптимальным подходом в урегулировании северокорейской ядерной проблемы. Итоги пекинской встречи в декабре 2008 г. продемонстрировали сохранение прежнего недоверия в "шестерке", которое ее участники пытаются преодолеть с момента начала переговоров в августе 2003 г. Несмотря на достигнутые договоренности, определение действий сторон и сроков, демонтаж ядерных объектов в Йонбене идет медленными темпами, поскольку планомерную работу в этом направлении Пхеньян увязывает с предоставлением энергетической помощи странами региона в полном объеме по согласованному принципу "действие в обмен на действие". Так, если все страны выполнили свои компенсационные обязательства и поставили по 200 тысяч тонн мазута, то Япония продолжает отказываться от участия в них. Токио тесно связывает свое участие в предоставлении энергетической помощи решением с "проблемы похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан". Невыполнение Японией своей части обязательств не должно затормозить реализацию достигнутых договоренностей, и может быть покрыто за счет других стран-доноров, например Евросоюза или стремящейся к большей международной активности Австралии. Нельзя исключать, что в данной ситуации КНДР может заявить о неправомерности дальнейшего участия Японии в "шестерке", и настоять на ее исключении из переговорного процесса.

Помимо японо-северокорейских противоречий в настоящее время определенно превратились в проблему и отношения Севера с Югом, которые планомерно ухудшались после прихода к власти Ли Мен Бака. Отказ Сеула от прежней политики сближения с Пхеньяном дал хороший повод КНДР прекратить дальнейшие отношения с Южной Кореей и переключиться на США, где к власти пришел демократ Барак Обама. Поскольку причина ядерного кризиса в Корее кроется прежде всего в отношениях КНДР и США,

то в нынешних условиях Пхеньян явно нацелен на его урегулирование через двусторонний диалог с американцами, не отказываясь прямо от шестисторонних переговоров. Однако теперь все будет зависеть от того, насколько далеко администрация Барака Обамы готова пойти в своих отношениях с Северной Кореей с учетом союзнических отношений с Сеулом в военной области.

В настоящее время Северная Корея заинтересована в интеграции Транскорейской магистрали в международную систему грузопассажирских перевозок. Содействие России в данном контексте рассматривается не только как реальный шаг к экономической стабилизации в стране, но и как явный противовес Пекину, активно стремящемуся усилить свое влияние на Корейском полуострове. В апреле 2008 г. глава РЖД Владимир Якунин и министр железных дорог КНДР Ким Ен Сам заключили соглашение о сотрудничестве, предполагающее начало реконструкции железнодорожного участка Туманган Раджин с выходом на Транссиб на российской пограничной станции Хасан. Согласно договору, подписанному в Пхеньяне, ОАО "РЖД" на 49 лет берет в аренду ж/д ветку Туманган - Раджин, протяженностью 52 км. Модернизацию железной дороги с последующей ее эксплуатацией будет осуществлять специально созданное совместное предприятие (СП) со следующим распределением долей в регистрационном капитале 70% у российской стороны и 30% у северокорейской. СП, в которое вошли ОАО "Торговый дом РЖД" и порт Раджин, займется также привлечением инвестиций для финансирования проектов и поиском подрядчиков для осуществления строительных работ.

Необходимо отметить, что российская сторона проявляет недовольство отходом северокорейской стороны от достигнутых договоренностей по ряду принципиальных вопросов. В частности, Северная Корея фактически сорвала сроки предоставления ОАО "РЖД" информации о состоянии их участков

железных дорог, воздерживается от заявления по готовности передать в пользование СП отрезок железной дороги на своей территории, что создает трудности для привлечения иностранных инвестиций в проект, так как возникают сложности с гарантированием возврата капиталовложений. Кроме того, учитывая устоявшуюся практику "выторговывания" КНДР дополнительных дивидендов у партнеров в обмен на выполнение взятых на себя обязательств, российская сторона не исключает вероятности выдвижение в адрес России дополнительных финансовых требований в ходе проведения российской стороной ремонтных работ или последующей эксплуатацией ею данного участка. В данной связи российская сторона намерена противостоять любым попыткам Пхеньяна "заработать" на интересе партнеров из РФ к сотрудничеству и отстаивать имеющиеся договоренности.

От степени выполнения КНДР договоренностей по условиям этого соглашения будет зависеть возможность участия России в других проектах на территории Северной Кореи. ОАО "РЖД" рассматривает пилотный проект как важную составляющую "большого проекта" по восстановлению всей Транскорейской магистрали - проекта, который все участники считают необходимым для дальнейшего развития логистических связей и экономических отношений в СВА. В данной связи решение ОАО "РЖД" о начале работ на пилотной части проекта следует рассматривать как своего рода уступку северокорейской стороне и сигнал к тому, что ускорение реализации проекта реконструкции Транскорейской железной дороги (ТКЖД), а также преодоление существующих препятствий, включая и упомянутую проблему аренды земельных участков, крайне выгодно для Пхеньяна в экономическом плане: Во-первых, ускорение реализации пилотного проекта по строительству ж/д до северокорейского порта Раджин приведет к комплексному развитию инфраструктуры северо-востока КНДР - портовых сооружений, железных и шоссейных дорог, что позволит уже в

скором времени начать транспортировку грузов из южнокорейского порта Пусан до Раджина морским путем, а затем везти их в Европу через российскую территорию, что позволит Пхеньяну получить существенные финансовые дивиденды. Во-вторых, восстановление ТКЖД будет способствовать росту влияния Северной Кореи, а Транскорейская магистраль может выступить в роли конкурента морским маршрутам южнокорейских транспортных компаний. По мнению экспертов, несмотря на сложности, связанные с перевозками крупногабаритных грузов, основная часть морских перевозок, касающихся 20-футовых контейнеров, будет постепенно терять объемы по мере развития системы железнодорожных коммуникаций на Корейском полуострове. В-третьих, начало использования ТКЖД будет способствовать решению задачи улучшения экономической ситуации в КНДР. По оценкам специалистов, дополнительный годовой доход Северной Кореи от задействования потенциала ТКЖД может составить более 1 млрд. долларов США. Кроме того, успешная модернизация ж/д продемонстрирует готовность Пхеньяна к диверсификации сфер российско-северокорейского сотрудничества, даст толчок новым инвестиционным проектам и в других областях.

Таким образом, ускорение северокорейской стороной реализации проекта восстановления ТКЖД российской стороной не только позитивно отразится на развивающемся торгово-экономическом взаимодействии России и Северной Кореи, но и будет содействовать политическим устремлениям Пхеньяна, направленным на уменьшение концентрации китайского капитала в северокорейской экономике и постепенным выходом из политико-экономической зависимости от Пекина.

Материалы дискуссии по докладам.

В.Л. Ларин: Давайте начнем с вопросов, а дальше проведем дискуссию. Игорь Анатольевич, у меня вопрос по поводу предоставления КНДР политических и военных гарантий. Действительно ли КНДР считает, что им нужны эти гарантии для защиты собственной власти или это политическая игра. И второй вопрос по поводу вашей фразы: «И в Сеуле и Пхеньяне нам доверяют как никакому другому партнеру». Она вызывает у меня некоторые сомнения. Ведь никто в мире нам особенно не доверяет, а вот на Корейском полуострове нам доверяют.

И.А. Толстокулаков: И в Сеуле и в Пхеньяне в России доверяют как никому из других участников шестисторонних переговоров.

В.Л. Ларин: А вот это уже лучше. Т.е. нам больше доверяют, чем другим партнерам.

И.А. Толстокулаков: Причем и там и там.

Е.А. Русецкий: А может быть они не считают нас полноценными участниками переговоров?

И.А. Толстокулаков: Действительно, мы являемся полноценными участниками шестисторонних переговоров в дипломатическом, но не практическом смысле.

В.Л. Ларин: Интересный ракурс проблемы. Все в этом регионе настолько друг другу не доверяют, что Россия оказывается самым лучшим партнером, которому можно доверять.

И.А. Толстокулаков: Лучшим из прочих участников с точки зрения реальных интересов двух корейских государств. Ответить на первый вопрос очень трудно, поскольку действительные планы Пхеньяна остаются для нас закрытыми, но полагаю, что там считают жизненно необходимым получить гарантии военной и политической безопасности. Без этих гарантий никаких

продвижений в переговорном процессе не будет. Это необходимо КНДР, и отвергать подобную необходимость – значит, относиться к ситуации не вполне объективно. Такую позицию, с одной стороны, можно считать игрой, поскольку выдвигаются достаточно жесткие и трудновыполнимые, с точки зрения международного права, требования. Тем самым Пхеньян заведомо создает себе более выгодное поле для игры, допускающей различные шаги и даже отступление от согласованных ранее позиций. Действительно, есть основания воспринимать развитие шестистороннего диалога как политическую игру. Но с другой стороны, и я глубоко убежден в этом, пока такого рода гарантий, оформленных юридически, у Пхеньяна не будет – северные корейцы будут продолжать делать то, что они демонстрируют сегодня. А именно: беззастенчивым образом затягивать переговорный процесс в Пекине, могу допустить мысль о том, что уже сейчас ни у одного из его участников нет сомнений в том, что он завершится безрезультатно.

В.Л. Ларин: В связи с этим у меня новый вопрос. А не являются ли эти шаги стремлением получить признание своего существования, т.е. факт признания американцами КНДР.

И.А. Толстокулаков: В самом деле, КНДР с этой проблемой сталкивается с первых дней своего существования. Я согласен с тем, что Пхеньян не только хотел бы, но и имеет все основания окончательно поставить точку в вопросе, имеет ли КНДР право на свое существование как таковое. Северная Корея нуждается в полноправном признании со стороны мирового сообщества и выдвигает требование гарантий собственной безопасности в этом контексте.

Е.А. Русецкий: Вопрос в продолжение темы Игоря Анатольевича. А для России на сегодняшний день необходимо поддерживать эти стремления, чтобы КНДР была бы признана и были какие-то гарантии для режима Ким Чен Ира?

И.А. Толстокулаков: Да, нужны, и Россия в этом заинтересована. Сеул ли решится на такое развитие событий или Пхеньян – для интересов России не важно, главным следствием конфликта на Корейском полуострове безотносительно его причин и зачинщиков станет дестабилизация в регионе, прилегающего к границам России. Конфликт на полуострове может принять трансграничный характер и повлиять на безопасность российского Дальнего Востока. Именно поэтому, я настаиваю на высказанной выше позиции: гарантии безопасности северокорейскому режиму нужны, вопрос о том, имеет ли КНДР право на существование, пора снимать с повестки дня региональной и международной политики; к КНДР следует относиться как к реальному актору регионального уровня, это данность с которой следует считаться всем участникам событий в СВА и АТР. Мне кажется, что при решении данного комплекса проблем ситуация могла бы быть гораздо устойчивее и более предсказуемой.

Ю.Ю. Уфимцев: А как насчет китайских гарантий?

И.А. Толстокулаков: Китай – это особая история. Китаю, возможно, подобные гарантии в пользу КНДР и не нужны, но Россия от них только выиграет, выигрыш заключается в том, что ситуация в её дальневосточном приграничье станет более стабильной.

В.Л. Ларин: Имеется еще и американская позиция. Что она означает? Традиционная упертость, нежелание давать гарантии?

И.А. Толстокулаков: За такой позицией США скрывается весьма упрощенный и прагматичный подход к корейской проблеме, основанный на признании Республики Корея единственно законным государством Корейского полуострова, что, между прочим, закреплено в южнокорейской Конституции, провозгласившей территорией Республики Корея *весь* Корейский полуостров и прилегающие к нему острова. Полагаю необходимым напомнить, что Основной Закон для молодой республики в

1940-х гг. писали американские специалисты... Неудивительно, что подобное отношение к КНДР, очень нервирует Пхеньян. В этом заключаются северокорейские требования об особых гарантиях безопасности со стороны США и урегулировании двусторонних отношений. Действительно, если будут улажены дела с американцами, они и Сеул заставят скорректировать южнокорейское законодательство. Помимо Конституции в Республике Корея действует еще и Закон о национальной безопасности, который прямо определяет КНДР как «незаконно созданную организацию», он остается неизменным, несмотря на налаживающийся с 1990-х гг. межкорейский диалог. Не знаю, как обстоят дела сейчас, но еще в начале 1990-х гг. японский загранпаспорт содержал надпись «действительно везде, кроме территории КНДР». Попробуйте оказаться на месте Северной Кореи за столом переговоров в Пекине: США, Япония, Южная Корея - готовы к диалогу, но своего партнера не признают. А не означает ли это, что в случае успеха пекинских переговоров они в любой удобный или нужный момент смогут отказаться от своих обязательств, ибо говорили с тем, кого формально не существует?

В.Л. Ларин: А вот эта политика «солнечного тепла» и все прочие попытки объединения они не означали изменений хотя бы вот в этом подходе. Не пытались ли южнокорейцы сгладить свою позицию?

И.А. Толстокулаков: К сожалению, как бы ни шли межкорейские переговоры, какие бы документы ни подписывались представителями двух корейских государств, в них никогда и нигде не говорилось об объединении государства. Более того, не идет речь даже о взаимном признании (ни дипломатическом, ни юридическом) права на существование. Таким образом, несмотря на прошедшие десятилетия, когда проблема национального объединения усиленно эксплуатировалась и в КНДР и в Южной Корее, реальных, а не пропагандистских шагов сделано чрезвычайно мало. Полагаю,

что для поиска путей к объединению нужно, хотя бы, согласиться с существованием друг друга, а к этому ни Юг, ни Север пока не стремятся.

В.Л. Ларин: Еще вопросы, коллеги.

В.В. Кожевников: В конце 19 в. Россия вела активную политику на Корейском полуострове. Это приводило к конфликтам и т.д., но она была активным актором политики на Корейском п-ове. Является ли она актором на Корейском п-ове в последние 10 лет или же она просто демонстрирует свое присутствие или желание присутствовать и не более того. Что конкретно Россия делает для того, чтобы проводить там свою политику? В чем заключается политика России в отношении Корейского п-ова вообще и в отношении каждой из стран? Насколько в реальности существует доверие в КНДР по отношению к России после 1990-х годов? Не вызывает ли у вас сомнение тезис о том, что Россия является тем партнером, который может как-то повлиять на ситуацию на Корейском п-ове?

И.А. Толстокулаков: Вызывает и очень серьезное, тем более что активно действующим партнером Россия, к величайшему нашему сожалению, не является.

Е.А. Русецкий: Говоря о политике на Корейском п-ове, мы должны говорить не о том, кем бы мы могли быть, а о том, что мы из себя реально представляем. В первую очередь необходимо провести учет у себя: что и как мы можем.

П.Я. Бакланов: А новая американская администрация никаких высказываний по поводу Кореи не делала?

Е.А. Русецкий: Они готовы применять кнут и пряник. Сейчас будут сделаны предложения. Во-первых, снять с себя всякие моральные ограничения перед мировым сообществом. Покажут, что они миротворцы.

И.А. Толстокулаков: Самое важное сегодня заключается в том, что Сеул не будет противовесом Вашингтону в данном процессе. С начала 1990-х гг. в

руководстве Республики Корея находились представители либеральных кругов, и они, кто-то больше, кто-то меньше, но старались, время от времени показывать своим союзникам в Вашингтоне, что с южнокорейской точкой зрения тоже нужно считаться. В принципе, допустимо говорить об *относительно* самостоятельной политике Сеула в отношении КНДР в период 1998 – 2006 гг. Но теперь у власти в Сеуле консерваторы, которые все эти годы были весьма раздражены «заигрываниями» своих политических конкурентов с Пхеньяном, они давно заявляли, что единственно верная политика в отношении КНДР это та, что предлагается Вашингтоном. Ли Мён Бак на этом постулате строил свою предвыборную программу. В такой ситуации ответственность за нынешнее охлаждение и очередное обострение межкорейских отношений не следует возлагать исключительно только на КНДР.

Е.А. Русецкий: У консерваторов нет никаких моральных ограничений в отношении Северной Кореи, т.к. в предвыборной кампании они заявляли о жесткой политике в отношении КНДР. Несмотря на то, что США сняли тезис о КНДР как о «террористическом государстве», их стали критиковать за права человека, что знакомо и нам по СССР. И это в тот момент, когда КНДР сделала шаги в сторону Южной Кореи.

В.Л. Ларин: То есть фактически это означает, что поставлен крест на объединении Кореи как на приоритете?

И.А. Толстокулаков: Приоритетом это было только в идеологической плоскости, оба корейских государства пестуют национальное стремление к объединению как важный пропагандистский инструмент, но он давно стал в большей степени фактором внутренней политики каждого из них, а не реальным направлением межкорейских отношений.

Е.А. Русецкий: Может быть, вопрос поставить в иную плоскость: кто и как хочет решать этот вопрос. Мы-то с вами говорим о status quo и о мирном

решении этого вопроса, а сценарии разные есть. Например, такой: создание экономического и внутривластного кризиса в КНДР.

В.Л. Ларин: А у Ли Мен Бака другой сценарий что ли?

Е.А. Русецкий: У него прагматичный подход. Они будут дожимать эту ситуацию до конца, так, чтобы получить максимальные политические выгоды. Чтобы больше было козырей на переговорах.

И.А. Толстокулаков: На полуофициальном и даже на официальном уровне многие высокопоставленные фигуры в Южной Корее высказывают сомнения в необходимости объединения, по крайней мере, в ближайшее время. Говорят о том, что исторические условия изменились, что нынешние поколения двух Корей уже не столь болезненно переживают раскол стран, что и на Юге и на Севере теперь многих людей ещё нужно убедить в необходимости объединения... Та историческая память, которая раньше объединяла старшее поколение двух Корей, ушла в прошлое. Иными словами, историческое время, отпущенное и подходящее для безболезненного решения проблемы, ушло. Сложилась новая реальность, в том числе известен весьма противоречивый германский опыт, показавший, какими экономическими и социальными издержками такое объединение сопровождается. Одним словом, так как это было лет 15–20 тому назад, в Сеуле карта объединения уже не разыгрывается. Да и какая политическая элита добровольно откажется от власти, тем более что ни в Северной, ни в Южной Корее те, кому сегодня принадлежит власть, не могут быть уверены в своей судьбе в завтрашней объединенной Корее.

В.Л. Ларин: Я был искренне уверен, что объединение не нужно никому, кроме корейцев. А теперь получается, что объединение не нужно и самим корейцам?

Е.А. Русецкий: Чтобы не было подмены понятий стоит отметить: есть реальная политика по вопросу об объединении, а есть идеологическая доктрина «объединения». И она стала жить своей жизнью, оказывая влияние

на все стороны жизни, как это было в СССР. Задача и северокорейских и южнокорейских лидеров состоит в том, чтобы не перейти грань. Чтобы население двух государств под этим лозунгом не вышло против правящей элиты. Эта доктрина требует особого осмысления.

В.Л. Ларин: А что, если предложить Северной Корее создать нашу военную базу, гипотетически?

И.А. Толстокулаков: Это играть с огнем.

Е.А. Русецкий: А чем мы можем ответить на американо-южнокорейский консервативный вызов? Мы можем вовлекать Северную Корею в процессы международной экономической интеграции, объективно способствуя снижению напряженности.

И.А. Толстокулаков: Мне кажется, что необходимо создавать в СВА некую организацию, некий механизм обеспечения безопасности по примеру европейского. Конечно, на практике сегодня это звучит фантастически, но альтернативы нет, пока региональные силы тянут одеяло каждая на себя. Ситуацию можно было бы оставить и в таком состоянии, если бы не пресловутая ядерная и ракетная проблема КНДР. По большому счету можно вести речь о начале региональной «гонки вооружений». Нужна ли она трезвомыслящим силам в СВА? Если нет – значит, пора думать о международных механизмах безопасности.

В.Л. Ларин: У меня еще вопрос. А зачем нам нужна Корея, Корейский полуостров?

И.А. Толстокулаков: Может быть, европейской России она и не нужна, а вот нам... Граница рядом, случись что, нас это затронет...

С.В. Севастьянов: Насколько России интересно и нужно экономическое сотрудничество с государствами Корейского полуострова. Возможно ли в перспективе сооружение магистралей? И второй вопрос о ЛЭП-500. Для чего

они хотят, чтобы мы им это построили? Нет денег или они боятся политических каких-то моментов?

Е.А. Русецкий: Тут, в первую очередь, политический момент. Россия, в силу близости границ, заинтересована в вовлечении КНДР в международное экономическое сотрудничество. Это позволит снизить напряженность на Корейском полуострове и избежать возникновения вооруженного конфликта. Однако с точки зрения получения экономической выгоды от проектов, которые РФ может предложить КНДР (переброска электроэнергии в КНДР с возможным транзитом в РК и создание при участии российской стороны Транскорейской железной дороги, соединяющейся с Транссибом и предназначенной для транзита грузов с Корейского полуострова в Европу через Россию), то она во многом сомнительна. Это к вопросу о том, а что Россия реально может делать? Здесь, видимо, политика идет чуть-чуть впереди экономики. Пытаемся экономику подтащить, чтобы получить экономические рычаги влияния на этот режим. В Москве заседают правительственные комиссии и с повестки дня это не снято. Видно, что В. Якунину это экономически не выгодно, но стоит политическая задача реализовать проект. И если мы реализуем этот проект (магистраль выходит на порт Раджин), то встанет вопрос о загрузке портовых мощностей, отправки товаров в АТР. Это экономически выгодно РК и Японии и другим государствам региона, поскольку позволит сократить и удешевить доставку грузов из АТР в Европу. Поэтому имеющиеся проекты требуют коллективного финансирования, сама КНДР не в состоянии их оплачивать. Российская сторона не хочет строить исключительно за свои деньги, необходимо соизмерять стоимость и издержки по строительству пошагово. Реализация политических задач у нас часто идет впереди экономической целесообразности. Что нас и отличает от американцев и корейцев – у них более прагматичный подход. По сути, поставки российской электроэнергии в

КНДР позволят обеспечить развитие северокорейской экономики и автоматически снимут с повестки дня вопрос о необходимости строительства атомных электростанций, то есть Пхеньян уже не сможет говорить о необходимости использования атомных реакторов для нужд страны. Соответственно, они не могут быть использованы для создания ядерного оружия. Это выгодно всему мировому сообществу, но почему за это должна платить только Россия? Этот вопрос надо решать всем сообща.

И.А. Толстокулаков: Я не во всем согласен с данной точкой зрения. Конечно, экономическая выгода быть должна, но нужно подумать и о будущем. Нам необходимо как можно крепче привязать КНДР к себе. Причем использовать все инструменты: от межгосударственного до приграничного сотрудничества, от обмена фольклорными ансамблями и спортивными командами до совместных двухсторонних и многосторонних экономических проектов. Что касается Транскорейской и Транссибирской магистралей, то развитие этих проектов тормозится не только экономическими и политическими предпочтениями или возможностями России и КНДР. Рядом существует великий и могучий Китай, который во многом напрямую диктует Пхеньяну свою волю. Китайские экономические интересы не совпадают с транссибирским направлением железнодорожных перевозок, поэтому Пхеньян находится в сложной ситуации. Ему необходимо сделать выбор, а он не хочет и не будет делать его в ближайшем будущем. Почему? Потому что выгоднее не определяться и получать возможные «дивиденды» от обеих сторон. Политика КНДР состоит в том, чтобы получить как можно больше, а дать как можно меньше. То же можно сказать и в отношении проекта строительства ЛЭП: Пхеньян стремится получить электроэнергию, не вкладывая ничего своего. Единственный путь реализации подобных экономических проектов – это привлечение южнокорейского капитала. России выгодно создавать трехсторонние проекты, объединяющие наш

авторитет, пхеньянские потребности и сеульские возможности, но деловые круги и власти в Республике Корея по вполне понятным причинам относятся к ним весьма прохладно, тем более с приходом к власти консерваторов, когда сворачиваются прямые межкорейские программы экономического сотрудничества.

В.Л. Ларин: По сути дела у власти в Пхеньяне находится, так сказать, крайне беспринципная, продажная власть?

И.А. Толстокулаков: Нет, не продажная, уж они-то никому не продаются.

В.Л. Ларин: Ну не продажная, а беспринципная?

Е.А. Русецкий: Ну как раз принципы-то у них есть.

В.Л. Ларин: Т.е. речь идет не о коммунистическом характере режима. А самое важное другое – принципы власти, управления. Интересная у нас дискуссия получается. Если говорить о перспективах развития Корейского п-ова, то рано или поздно может произойти смена режима. Насколько реально возможна смена режима, и если это произойдет, то в каком направлении?

И.А. Толстокулаков: Поставим вопрос по-иному. А нужно ли чтобы сменился режим? Каким образом – переворотом?

В.Л. Ларин: Нужно не нужно, но он может произойти.

И.А. Толстокулаков: Главное, чтобы все происходило естественно, без силовых сценариев и потрясений. Северокорейский режим должен *эволюционировать* постепенно и подконтрольно.

Е.А. Русецкий: Здесь можно предполагать все что угодно, но чем это закончится – трудно сказать.

В.Л. Ларин: Прошла информация в прессе недавно, что корейцы собираются испытывать новую баллистическую ракету. Что-нибудь известно по этому поводу?

И.А. Толстокулаков: В этом отношении мы испытываем сильный информационный голод.

В.Ю. Мишин: Мы должны идти от источника. Кто выдал эту информацию? Комитет по объединению страны. Это не правительство. Это не партия. Да, это некая общественная организация. Но официальные власти ни слова не сказали.

И.А. Толстокулаков: Форма подачи данной информации из Пхеньяна такова, что позволяет при необходимости сказать: «мы же вам сообщили», а в случае иной необходимости: «такого не говорилось никогда». Общепринятая процедура уведомления отсутствовала, юридических последствий никаких... Пхеньян достаточно известен такими методами.

В.Ю. Мишин: Моя личная точка зрения – скоро появится. Настал тот момент. Постоянные заявления на сей счет идут.

В.Л. Ларин: А не может быть, что это спекулирование на ядерной проблеме, на противоречиях между Севером и Югом, а на самом деле они у нас за спиной договорились и потихоньку нас провоцируют.

Е.А. Русецкий: То, что договорились – вряд ли, а вот то, что используют выгоды от муссирования проблемы ядерной безопасности каждый в отдельности – это безусловно...

И.А. Толстокулаков: Южная Корея нуждается в стабильности, в этом не может быть сомнений. В силу этого мы не сомневаемся в искренности усилий Сеула, направленных на обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова.

В.Л. Ларин: Мы уже перешли на несколько другие темы, т.ч. будем заканчивать дискуссию. Проблема очень важная и интересная. Спасибо за участие!